

ЗВАНИЕ НАРОДНОГО МНЕ ПОЖАЛОВАЛ ЕЛЬЦИН

После «Семнадцати мгновений весны» его имя стало знаковым. И таким останется на многие долгие годы. Не знаю, как вы, уважаемый читатель, а я смотрел этот телесериал тоже раз семнадцать, не меньше. Теперь — к делу.

Владимир НУЗОВ

— Леонид Сергеевич, какие вопросы вы бы не хотели от меня услышать? О Мюллере, наверное?

— Каждый, буквально каждый норвит спросить о значении этой роли в моей актерской судьбе, о фашизме, сталинизме и других «изма». Мне надоело говорить обо всем этом, поэтому давайте поговорим о другом.

— Договорились. Тогда расскажите о себе.

— Возраста своего я не скрываю: родился 17 декабря 1928 года в Киеве. Родители были долгожителями: отец умер несколько лет назад, когда ему было почти 90, маме к моменту кончины — около того. Но с 1937 года в разводе, когда отца арестовали, осудили, а нас, «семью врага народа», сослали в город Малмыж Кировской области. Жизнь была сломана. Маме было 27 лет, ей сказали: разведись, жить будет легче. Развелась, но жить легче не стало: в ссылке голодали и холодали. Спустя четыре года вернулись с мамой в Киев, а через несколько дней началась война. Мы оказались в южном Казахстане.

— А что стало с отцом?

— Ему дали 10 лет с правом переписки. Приговор «без права переписки» означал, если вы знаете, расстрел. Отец, когда освободился, хотел вернуться к нам, но мама воспротивилась: «Я его никогда не любила». Это меня страшно огорчило, потрясло. Я, помню, спросил маму: «Как же тогда я родился?»

Мама с папой познакомились на рабфаке, она училась на экономическом факультете, он — на юридическом. Они были кристально чистыми людьми — сейчас это, возможно, звучит смешно. Они верили в светлую идею, в революцию. Отцу предложили работать в НКВД — его брат, мой родной дядя Александр Броневой, занимал в НКВД Украины очень высокий пост, он и предложил пойти по линии адвокатуры: тогда, мол, тебе придется людей защищать, а в НКВД тебя заставят заниматься совершенно другим делом. Отец не послушался, пошел служить ТУДА. Ну а в 1937-м его, как я уже сказал, посадили. Поэтому меня после школы в приличные вузы взять не могли, а в институте Театрального искусства в Ташкенте, местном ГИТИСе, в анкете о родителях не спрашивали. Это мне все мама втолковала. Туда я и пошел и, окончив институт в 1950 году, стал артистом. Где я только не работал! В Магнитогорске, Оренбурге, Грозном, Иркутске, Воронеже...

— Леонид Сергеевич! Извините, что перебиваю. Вот в Оренбурге-то

наши жизненные пути и пересеклись! Я там родился и жил до 1958 года, когда уехал учиться в Москву. Жили мы в двух шагах от Областного драматического театра имени Горького, в труппе которого вы состояли. Я помню вас в спектакле «Семья», в котором вы играли Володю Ульянова. Скажите, что я не прав!..

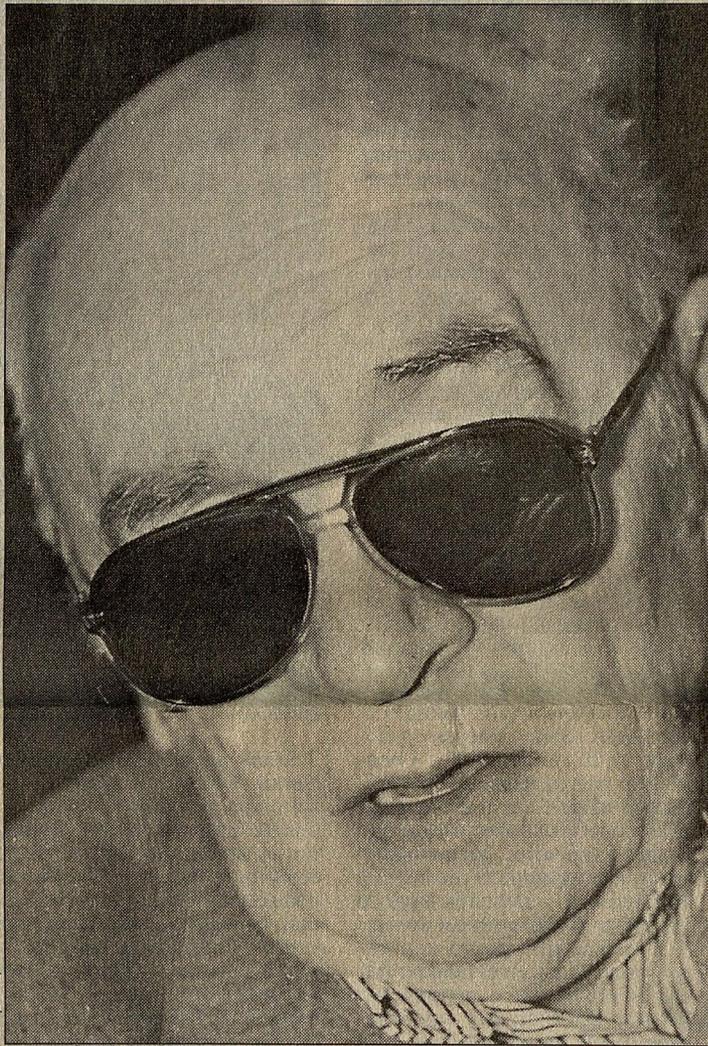
— Ну что вы, все правильно. Хорошо помню Оренбург, тогда он назывался Чкалов, хотя Чкалов там никогда не жил. Воспоминания о городе Чкалове — голодные, нищенские, но все равно светлые, потому что была молодость, были надежды. Оттуда я, как и вы, но годом раньше, уехал в Москву, поступил в школу-студию МХАТа, окончил ее за два года. И опять меня угнали в провинцию, на сей раз в Грозный. Я вечером играл Сталина, а утром распродал свои теплые вещи — там они после Оренбурга оказались не нужны.

— Скажите, Леонид Сергеевич, а есть такое понятие: провинциальный театр, провинциальный актер?

— Право, не знаю. Я много лет проработал после провинции в Москве, вошел в коллектив Театра на Малой Бронной, хотя не у всех так получалось. В провинции актер вкалывает гораздо больше, чем в столице, приходится готовить по 4—5 спектаклей в год, потому что зрителей больше чем на 15—20 спектаклей не наберешь. Дальше — пустой зал. А в Москве люди барские: выпускают в год один спектакль, максимум — два. А покойный Андрей Александрович Гончаров мог готовить один спектакль пять лет. Я был членом Художественного совета Театра на Малой Бронной, где схлопнулся однажды с одним артистом. Он, обращаясь к коллегам, говорит: «Да что вы его слушаете! Он же провинциал!» Думал меня оскорбить, а я принял это как комплимент. Провинциальный артист — это труженик, рабочая лошадь! У него нет никаких приработков: ни в кино, ни на местном телевидении и радио, где вакансий внештатников никогда нет. Можно только драмкружок вести на заводе. В Иркутске мне удалось организовать драмкружок только потому, что я пообещал за те же деньги — 60 рублей в месяц — создать еще и хор. Аккомпанировал хору на аккордеоне, привозил его в Москву. Я не хочу жаловаться, это не в моих правилах, но хлебнуть мне пришлось сполна.

— Но потом-то вы оказались в порядке: звания, награды, слава...

— Чтобы получить почетное звание, надо было пройти девять кругов ада. И первый, самый страшный круг — партбюро театра. Если они тебя зарежут, твое де-

Екатерина ЦВЕТКОВА

ло никуда не идет, если же они за закрытыми дверями проголосуют «за», то дело идет выше: в райком партии. Одновременно оно попадает в горком профсоюзов работников культуры, в райком партии и горком партии. Вслед за этим — в Министерство культуры СССР, может, я назвал его неправильно. Из него бумаги приходят в ЦК КПСС, где несколько секретарей ЦК ставят свои подписи. После всей этой канители дело идет в Президиум Верховного Совета. Поскольку я всегда был беспартийным, все это проходило довольно сложно, занимало годы. Народного артиста СССР я ждал четыре года и получил его благодаря Борису Николаевичу Ельцину. Мы выступали в Кремлевском дворце съездов, я читал «Стихи о советском паспорте» Маяковского. После концерта за кулисы пришел тогдашний Первый секретарь МГК КПСС Ельцин в сопровождении чиновников. Красивый, элегантный... Кто-то из артистов Екатеринбургского хора его спрашивает: «Борис Николаевич, ну как вам тут, в Москве?» Он махнул так рукой и говорит: «Не спрашивайте!» И вдруг обращается прямо ко мне: «Вы — сибиряк?» Я отвечаю: можно сказать — да, работал в Иркутске. Тогда он поворачивается к сопровождающим, среди которых я узнал министра культуры СССР И. Мелентьева: «Почему вы не даете людям звания?» Буквально через не-

сколько дней я уже был народным артистом СССР.

— Помогали коллегам?

— Конечно, подписывал прошения на жилье, что-то еще. Но ходить никуда не ходил — стал затворником, ворчуном. Вот в молодости любил шутку, был человеком открытым, покладистым.

— Это правда, что вас считают человеком с тяжелым характером?

— Думаю, да. Говорят, я невдержанный, вспыльчивый, очень эмоциональный. Но я не выношу несправедливости... Наверное, характер не лучший, а лучше что же — молчать, улыбаться или врать? Я не люблю отмалчиваться, вылезаю, за что часто получаю по голове. А меня столько раз надудали... Не хочу называть никаких имен, Бог с ними!

— Кто ваши ближайшие друзья, Леонид Сергеевич? С Татьяной Михайловной Лизоновой поддерживаете отношения?

— Нет у меня ближайших друзей, к сожалению, — врать не буду. Татьяна Михайловна — умнейшая женщина, замечательный режиссер, но отношений мы с ней не поддерживаем. Она сейчас к тому же больна, даже на вручение премии «Гэффи» не пришла. Я очень рад, что ее наградили этой премией.

— Спрошу вас еще об одном режиссере, с которым вы едва ли не четверть века проработали в Театре на Малой Бронной: об Анатолии Васильевиче Эфросе.

— Он собрал в театре очень сильную труппу: Станислав Любшин, Олег Даль, Валентин Гафт, Александр Ширвиндт, Алексей Петренко, Елена Коренева, Михаил Козаков. Можно было поставить любой спектакль, но артисты стали постепенно по одному уходить, остались Дуров да я.

Я сыграл роль Сократа в пьесе «Сократ» С. Алешина, и тут звонит (дело происходит уже в 1988 году) Марк Анатольевич Захаров: «Давно хотел пригласить вас на роль генерала Крутицкого в «На всякого мудреца довольно простоты». Я смело так высказываю ему свое видение проблемы: «Марк Анатольевич, вообще приглашают на роли короля Лира, Отелло или Арбенина. А Крутицкий — что за роль!» Он пригласил меня к себе в «Ленком», изложил трактовку роли, из которой я понял, что все, включая самого автора, не совсем правильно понимали эту роль! Даже Станиславский играл замечательно, но, судя по фотографиям, играл маразматика, точно так же играл Плотников и многие другие актеры. Марк Анатольевич нашел совершенно неожиданную трактовку: «Да он умнее всех! Он видит всех насковы!»

— Многие идут, замечу, на Броневое. Вчера, например, вы в каком спектакле были заняты?

— В «Королевских играх» Гриши Горина и Марка Анатольевича Захарова. Острая музыкальная трагикомедия, захватывающее зрелище.

— Любите Чехова?

— Как его можно не любить! Если уж мы заговорили о Чехове, вспомню «Чайку». Сколько их сейчас поставлено! Какие дикие трактовки! У Льва Додина по сцене почему-то ездят на велосипедах, театр превратился в цирк. А лучшую «Чайку» поставил, на мой взгляд, Захаров. Марка Анатольевича я вообще считаю выдающимся режиссером, который может поставить все: от рок-оперы до тончайшего психологического спектакля. Если бы был жив Владимир Иванович Немирович-Данченко, он был бы счастлив, увидев «Чайку» в постановке Марка Анатольевича.

— Последний и, извините, может быть, не очень тактичный вопрос. Вы верующий человек, Леонид Сергеевич?

— Да, верующий. Но я не понимаю, почему в любой религии некое церковное заведение должно быть посредником между человеком и Богом. Я многих спрашивал об этом, мне объясняют: «Деньги-то им надо зарабатывать!» Собирают понемногу у миллионов верующих, поэтому в православных соборах роскошь и золото. Я возражаю: у католической церкви нет золота, все скромнее. Меня прощещают: да, скромнее, но там есть свои прегрешения... Словом, я верую, но не на публике и не для публики. За себя नहीं у Бога просить, я прошу за жену, дочку, внуки вообще за всех людей.